

**Иконографическая программа Большого саккоса митрополита Фотия:
структура, генезис и интерпретация**

Научный руководитель – Пожидаева Анна Владимировна

Красовицкий Андрей Ильич

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: Poloskun1102@yandex.ru

История изучения Большого саккоса митрополита Фотия насчитывает более ста лет и исчисляется несколькими десятками работ, где значительную часть занимают отечественные исследования, но также присутствуют около десяти зарубежных. Основными вопросами, интересующими исследователей, были датировка и место происхождения облачения [1, 2, 5], а также связанные с этим вопросы исторического контекста создания памятника [4, 7]. Обширная и уникальная иконографическая программа, состоящая из 110 композиций и изображений святых, также была освещена и исследована рядом авторов [5, 6, 8], однако проблема ее интерпретация является далекой от окончательного решения.

В историографии делалась попытка связать иконографическую программу саккоса с современными ему богословскими сочинениями. Так С. Беляев составил таблицы с соотношением изображенных на саккосе святителей с текстами византийских богословов первой половины XV века, в которых эти святые упоминались [2]. Подобный эксперимент очень интересен, так как в результате мы получаем конкретные цифры количества соответствующих святых. Однако, полученные результаты не дают ответа на поставленный вопрос: степень совпадаемости изображений и текстов на наш взгляд слишком мала, для того чтобы правомерно считать эти тексты основанием для иконографии саккоса.

Вышитые изображения традиционно в исследованиях ставятся в ряд с произведениями изобразительного искусства - монументальной живописью и книжными миниатюрами; такое сопоставление используется в стилистических и иконографических исследованиях. Однако, сохранившийся корпус византийских тканей содержит характерный именно для своей типологии состав сюжетов, так как они имеют особую литургическую функцию. В связи с этим возникает необходимость выработки отдельной теории о принципах выборки тем для лицевого шитья.

Последней попыткой интерпретации иконографии византийского лицевого шитья является теория В. Вудфина [8, 9]. Исследователь называет 3 основные темы, которые практически полностью описывают репертуар сюжетов лицевого шитья и которые соответствуют иконографии декора Большого саккоса: цикл из 12-ти сцен земного пути Христа, Деисусная композиция и сцены, связанные с Литургией и Евхаристией. Наличие этих тем объясняется богословско-литургическим контекстом бытования церковных одеяний и тканей.

Опираясь на византийские богословские сочинения (Николай Кавасила, Симеон Солунский), можно утверждать, что последование Литургии реконструирует весь земной путь Христа от Благовещения до Вознесения. Таким образом, цикл изображений повествующей о земном пути Христа, который занимает центральные зоны обеих сторон Большого саккоса, служит визуальным подтверждением символического осмысления Литургии. Деисусная композиция, которая на Большом саккосе помещена на воротниках обеих сторон облачения, традиционно имеет евхаристическое и эсхатологическое значение [3],

что дает возможность связать эту часть иконографической программы с литургическим контекстом бытования памятника. Наконец, самыми примечательными в структуре декора являются евхаристические сцены, к которым относятся «Спас Недреманое Око» и «Христос во гробе».

Помимо общей интерпретации декора облачения возникает вопрос о конкретных прототипах, на которые мог ориентироваться автор иконографической программы Большого саккоса. В литературе предлагались конкретные сохранившиеся системы росписей таких храмов как собор монастыря Дохиар на Афоне, храм монастыря Дечаны в Сербии, церковь Богоматери Пантанассы в Мистре, церковь Богородицы Левишки в Призрене и другие [1, 6]. По набору сюжетов, а также по топографическому и иерархическому расположению программы росписей византийских церквей сопоставимы со структурой декора саккоса. Важно, что названные памятники лишь иллюстрируют возможный принцип переноса структуры декора церкви на облачение, ни один из сохранившихся ансамблей не является прямым аналогом Большому саккосу.

Итак, изначально в историографии Большой саккос фигурировал практически исключительно как исторический документ. Постепенно ко второй половине XX века в исследованиях стали смещать акцент в сторону стилистических и иконографических аспектов памятника. В последние два десятилетия изучение саккоса стало многогранным - авторы обращаются сразу к нескольким контекстам: датировка, место создания, иконография, литургический контекст бытования, технико-технологические особенности.

Источники и литература

- 1) Барков А. Г. Большой саккос митрополита Фотия. К атрибуции и прочтению композиционного замысла // Московский Кремль XV столетия: [Сб. статей]. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. – М.: Арт-Волхонка, 2011. – С. 359-379.
- 2) Беляев С. А. Об истоках иконографической программы Большого и Малого саккосов // Московский Кремль XV столетия: [Сб. статей]. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. – М.: Арт-Волхонка, 2011. – С. 404–427.
- 3) Квливидзе Н. В. «Деисис» // Православная Энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2000 – Т. 14. – С. 316-319.
- 4) Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. – Paris: YMCA-PRESS, 1990.
- 5) Средневековое лицевое шитье: Византия, Балканы, Русь: каталог выставки: XVIII Международный конгресс византинистов, Москва, 8-15 августа 1991 г. // автор вступительной статьи и составитель каталога Н. А. Маясова. – Москва: Изд-во Гос. музеев Московского Кремля, сор. 1991.
- 6) Piltz E. Trois sakkoi byzantins. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1976.
- 7) Théocharis M. Le sakkos de Photios, métropolitaine de Kiev – ud document confessionnel et diplomatique // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990) [т. 21] – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- 8) Woodfin Warren T. Late Byzantium Liturgical Vestments and the Iconography of Sacerdotal Power. Ph. D. diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2002.
- 9) Woodfin, W. Disjuncture between Text and Image: Mystagogy and the Embroidered Iconography of Byzantine Vestments // Clothing the Sacred: Medieval Textiles as Fabric, Form, and Metaphor, ed. Mateusz Kapustka and Warren T. Woodfin (Berlin: Editions Imorde, 2015), P. 13-32.